

СКАЗКИ О ПРИНЦЕССАХ

Для больших и маленьких девочек

АГЛАЯ ВЕТЕР

Истории о том, как важно быть на своей стороне

Аглая Ветер

Сказки о принцессах

<https://litres.ru/74610647>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сказки о принцессах для больших и маленьких девочек — это истории о том, как важно быть на своей стороне. Принц не спасет принцессу, драконом может оказаться она сама, счастливый конец сам собой не наступит. Каждая даже очень взрослая и сильная девочка нуждается в тепле и поддержке, каждая принцесса в том, чтобы просто быть собой, и все это можем дать себе только мы сами.

Содержание

Сказка о принцессе, которая не умела плакать

4

Конец ознакомительного фрагмента.

26

Аглая Ветер

Сказки о принцессах

Сказка о принцессе, которая не умела плакать

В одном королевстве жила принцесса Неслезина — сильная, собранная и бесконечно безупречная. Она держала небо, решала чужие беды и ни разу за долгие годы не проронила ни слезинки. Пока в ее груди не образовалась огромная дыра...

Жила-была была принцесса, которая совсем не умела плакать. Назовем её Неслезина. Неслезина и сама не помнила, когда плакала в последний раз. Наверное, только когда была совсем маленькой девочкой. Ничто не могло заставить Неслезину прослезиться — ни душещипательные истории, ни душераздирающие фильмы, ни трогательные книги, ни любовные истории, ни мировые беды, ни страдания людей. Она только морщила носик, но не роняла ни слезинки. Нет, Неслезина не была злой или жестокой — тем, кто страдал она помогала; мировые проблемы принимала близко к сердцу и пыталась решить; жалела близких и далеких, бездомных, детей, собак и кошек. А когда самой Неслезине было грустно, обидно или одиноко внутри нее образовывался раскаленный

шар и жёг ее изнутри. Сильно жег, это было очень больно. Но и тогда Неслезина не могла проронить ни слезинки. Такова уж она была, ничего тут не поделаешь. Неслезина делала вид, что никакого шара внутри нет, морщила носик, встряхивала челкой и шла делать свои Очень Важные Дела.

По утрам сразу после завтрака Неслезина утирала чужие слезы, следом шёл подвиг, после она решала чужие проблемы, потом беспокоилась о мире, а вместо послеобеденного отдыха отправлялась делать уборку в замке. И это притом, что у Неслезины была тысяча слуг — она жила в богатом королевстве и могла себе позволить не делать уборку своими руками. Однако Неслезина считала, что в рамках трудовой дисциплины ей это очень полезно — чтобы не стать рохлей, размазней и неженкой. Так ее воспитывали — принцессам по должности не положено быть неженками и рохлями. Но это, конечно, было еще не все. Вечерами Неслезина после короткой, но интенсивной пробежки держала на плечах небо.

Вообще это была работа Атланта, но Неслезина каждый вечер отпускала его погулять — ведь должен же и он отдохнуть. Ходили слухи, что в Конфетном королевстве ученые открыли, что небо не падает на землю, если его не держать, но Неслезина не слишком-то в это верила. Было бы, конечно, здорово, освободилась бы куча времени для других Важных Дел, да и Атланта можно было бы эффективнее использовать, но проверять слухи Неслезина была не готова — ставки слишком высоки — а ну как упадет все-таки. Достаточно

ведь одного раза. И поэтому Неслезина каждый вечер взваливала на свои худенькие плечики небо и держала его, пока Атлант прогуливался в парке, лежал на диване или веселился с друзьями. Небо было очень тяжелое, края острые, они больно впивались в плечи, иногда резали до крови, но и тогда Неслезина не плакала, только морщила носик и упрямо встряхивала челкой. В такие моменты Неслезина очень жалела Атланта, ведь она держала небо только вечером, а он все остальное время. Если бы она могла плакать, плакала бы над судьбой Атланта. Даже несмотря на то, что Атлант каждый день уверял ее, что ему не тяжело, небо ему по размеру, да и не давит совсем, не говоря уж о том, чтобы царапать кожу. Ведь его кожа специально создана такой, чтобы небо ее не резало. Но Неслезина не верила, думала Атлант храбрится. Даже когда он показывал ей свои абсолютно целые и здоровые мускулистые плечи, хвастался хорошим настроением и цветом лица, Неслезина все равно думала, что он не честен с ней. Ведь она точно знала, что небо очень тяжело и острое, да и вообще всем время от времени нужен отдых, это непреложная истина. И она упорно продолжала каждый вечер держать это неподъемное небо на своих совершенно для этого не предназначенных плечиках.

Подруги иногда советовали хоть подплечники ватные надевать, чтобы небо не так сильно давило, но Неслезина когда-то прочитала, что самый правильный способ держать его — это класть именно что на голые плечи, так сцепление

лучше и проводимость увеличивается. А все другие остальные способы не такие идеальные, а, значит, использовать их нельзя. Ведь если Неслезина за что-то бралась, то бралась как следует. Ведь нельзя же сделать наполовину. Не имела она права подходить спустя рукава. Взялся за гуж, не говори, что не дюж. Не умеешь, не берись. Давши слово — держись. Причем тут вся эта народная мудрость — не очень понятно, ведь наплечниками уже пользовались некоторые другие принцессы и результаты были те же, просто небо не так натирало. Но голова Неслезины была полна поговорок, уговорок и установок на любой случай жизни. Так уж воспитывали принцесс. Хотя тут скорее подходит пословица: “Сам заварил кашу, сам её и расхлёбывай”.

Каждый раз, когда Неслезина держала небо, внутри нее образовывался тот самый раскаленный шар. И сильно жёг ее изнутри. Сначала Неслезина страдала от этого. Но со временем попривыкла, научилась не замечать. Даже насвистывала иногда или напевала. Делала вид, что нет никакого раскаленного шара, да и небо совсем не давит. Чем сильнее жёг шар, тем упорнее Неслезина делала вид, что у нее полный порядок.

Впрочем, шар все же немного её беспокоил. Он был какой-то неправильный и однажды Неслезина пришла к Доктору и попросила убрать шар. Потому что в учебнике Принцессиной Анатомии, который Неслезина изучала во время обу-

чения на принцессу, никаких дурацких раскаленных шаров не было. Доктор сказал, что никакого шара не видит. Неслезина возразила, что он внутри. Доктор сделал рентген и снова не увидел шара. Но Доктор знал, что Неслезина никогда не врет другим людям, поэтому спросил, когда шар появляется. Неслезина стала вспоминать, но не смогла точно сказать. Выяснилось, что шар появляется, когда Неслезина держит небо, а еще иногда просто так — без всякой видимой причины. Доктор предложил Неслезине понаблюдать за собой и записывать всякий раз, когда шар появится. Неслезина не очень-то хотела этим заниматься, ведь у нее было и так чрезвычайно плотное расписание, да и самонаблюдение казалось ей делом бесполезным и даже каким-то глупым. Но Доктор убедил ее, сказав, что, во-первых, он Доктор Медицины и ему лучше знать, а, во-вторых, по Науке вылечить болезнь можно только поставив правильный диагноз. Неслезина хоть и была Верховной Властительницей своем Королевстве и могла отменить одним своим указом и Науку, и Медицину, и самого Доктора, была разумной барышней и спорить не стала.

Но ее наблюдения не увенчались успехом. Ей всё так же было совсем не понятно почему и когда возникает шар. Доктор попросил ее записывать все, что случилось до появления шара, но Неслезине и это не помогло. Вот как выглядел ее дневник.

**5 тыс. 543 год от Возрождения Великого Енота, 56
солнцебрия, 29:45**

Вчера целый день решала государственные проблемы. Дел скопилась целая гора. Решила всё, даже удалось между делом распутать парочку проблем Западной Змеиной Республики, уладить конфликт Великанов и Семирожек, а еще помирить Бибу и Бобу.

После неба, попросила А. выпить со мной чаю. Так устала, хотелось посидеть с кем-то близким в тишине или поболтать о том, о сем. Но А. сказала, что она уже договорилась с Б. идти в кино. Я спросила, почему меня не позвали, А. сказала, что я вечно занята и они уже и отчаялись меня куда-то вытащить. Но в следующий раз она будет рада выпить со мной чаю, а сейчас билеты уже куплены, мест больше нет, извини. И мне стало так... Как-то... Ну так... Нормально. Села пить чай одна и вдруг ни с того, ни с сего — шар. Жжёт.

**5 тыс. 543 год от Возрождения Великого Енота, 60
солнцебрия, 29:59**

Сегодня весь день сажала куриц. И так протянула до последнего, откладывать уже было нельзя. Курицы как обычно разбегались, усаживаться совсем не хотели, не понимают, глупые, что им же будет лучше. Всех переловила, усадила, слава Великому Еноту! От меня так просто не уйдешь! Но куры этого не знают, клевали мне руки, вечером пришлось смазывать целебным бальзамом. Только села пе-

редохнуть, пора уже к небу. Побегала. Только вернулась, только шар успокоился, тут приходит Ц. и говорит, что я стала ему мало времени уделять. А я бы и рада, да когда. Кто все дела сделает? Объяснила ему в очередной раз, что из начала так заведено: в конце солнцегляда лови кур и сажай, пока всех не усадишь, не будет в следующем сезоне удачи государству. А он возьми и ляпни, что куриц можно и не сажать, что в Восточной Змеиной Республике уже 3 года как не сажают и ничего — даже Случаилиаду выиграли — не делась никуда удача. Я аж поперхнулась. Ну дает, — куриц не сажать. Я что от безделья это делаю, что ли?! Мне как будто больше заняться нечем! Но я же как лучше хочу, чтобы никто ни в чем не нуждался, чтобы все счастливо жили. Ц. пожал плечами, и говорит, подумай, может, это никому, кроме тебя, и не нужно? И тут я... Ну... Чай стала пить. Ц. ушел. И ни с того ни с сего шар опять вернулся.

Таких записей Доктор насчитал штук тридцать — поначалу как минимум раз в неделю шар возвращался. Но чем дальше, тем чаще. И это не считая ежедневного появления шара во время удержания неба. Доктор спросил Неслезину, не видит ли она какой-то закономерности, не усматривает ли причины. Но Неслезина не усматривала. Доктор пытался намекнуть, что, возможно, Неслезине стоит обратить внимание на то, что происходит, когда она остается одна. Неслезина на это резонно заметила, что ничего, она же одна, всё про-

исходит только пока она с кем-то. Доктор печально вздохнул, Неслезина начала раздражаться и заявила, что если Доктор не знает как лечить шар, нечего было ей и голову морочить, столько времени на ерунду потратили.

Прошло полгода. Как и прежде изо дня в день, Неслезина держала небо, царапавшее ей плечи снаружи и терпела нестерпимую боль от раскаленного шара внутри. Неслезина думала, что так и проживет всю свою жизнь.

Но однажды шар стал пульсировать внутри, все сильнее и сильнее, становилось все жарче и жарче, Неслезина аж задохнулась, зажмурилась, сжала пальцами края неба, а шар все рос. Под закрытыми веками Неслезины плясали красные сполохи, ей казалось, что шар стал огромным, вышел за пределы ее тела, накрыл всю землю, стал больше неба. Боль была невыносимой, но Неслезина не закричала, только плотнее сжала зубы. Тут бы ей заплакать, но из-под плотно сжатых век не выкатилось не слезинки. Шар рос-рос-рос и таки лопнул. Боль резко отступила, настала тишина. Неслезина удивилась — она так привыкла к этой жгучей боли в груди, что в первый момент даже не поняла, что больше ее не чувствует. А во второй момент поняла. И открыла глаза. Мир был на месте, но чего-то всё-таки в нем уже не было. Появилось какое-то странное ощущение недостатчи. Неслезина осторожно посмотрела вокруг — горы на горизонте были на месте. Замок тоже стоял, где ему и положено. Вокруг замка раскинулся город, никаких разрушений не было видно, люди ходили

как ни в чем не бывало. Неслезина посмотрела себе под ноги — земля как земля, ничего особенного. Ноги в синих туфлях тоже на месте. Но ощущение недостачи только нарастало. Неслезина скользила взглядом по ногам, и выше — там тоже все было в порядке, пока взгляд снова не уткнулся в траву. Неслезина не сразу поняла, как так получилось. А потом поняла. Шар прожег в Неслезине дырку. Даже не дырку, а большую такую дыру — прямо в центре груди. Неслезина охнула, у нее подогнулись колени, чуть небо не уронила. Но удержала. Зато теперь было уже не больно. Совсем. Сквозь Неслезину теперь было видно траву и горы за спиной. Вдруг через дырку подул ветер. Это было странно. Ветер щекотал края, прохладца разбегалась по телу, но ощущения не были неприятными, скорее наоборот. Неслезина не знала, что и думать. Но небо в любом случае нужно было держать, так что она никуда не пошла. Да и думать перестала — что толку. Только одно её беспокоило — что теперь скажут люди? Захотят ли они общаться с принцессой с дыркой в груди?..

Неслезина ждала, пока вернется Атлант. Когда он приблизился, с замиранием ждала его реакции на дыру, но Атлант ничего не заметил. Или тактично сделал вид?.. Неслезина вернулась во дворец и внимательно наблюдала — не всполошится ли кто. Но все как сговорились и в упор не замечали дыру. Неслезина сменила прожженное платье и дыру стало почти совсем не видно — только краешек пустоты чуть возвышался над декольте. “Ну и ладно!” — подумала Неслези-

на — “Подумаешь!”. И стала жить дальше как ни в чем не бывало.

Боли теперь не было. Небо все так же царапало плечи, Неслезина привычно обрабатывала раны, но стало намного легче. И шар больше не возвращался. Неслезина даже порадовалась — дыра была не такой уж и неудобной, не слишком высокая плата за избавление от прожигавшего душу шара. Только вместе с болью ушла и радость. Если раньше Неслезина могла хоть на минутку почувствовать счастье от солнечного луча скользнувшего по щеке, от улыбки друзей, от поглаживания котенка, растянувшегося на травке, от игры с кухаркиным пухлым щенком, от рассвета и заката, свежего хлеба и ветра, терпкого чая, вкусного пирога и множества других мелочей, которые были даже в такой загруженной жизни, как у Неслезины, то теперь она не чувствовала ни-че-го. Совсем. И это пугало Неслезину, хотя она в этом не признавалась даже самой себе.

Иногда Неслезина пыталась что-то в дырку положить. Один раз заштопала, — качественно так, надежно. Штопка продержалась сутки, но когда она исчезла, дырка стала чуть больше. Это испугало Неслезину и она больше не предпринимала попыток зашить прореху. Один раз она даже думала снова сходить к Доктору, но не решилась. Дырка стала казаться Неслезине неприличной — чем-то таким, что люди прячут и о чем помалкивают. Да и Доктор этот, — уговаривала себя Неслезина — так себе специалист, мало что пони-

мает. Неслезина клала в дырку самые разные предметы: детские игрушки, киноленты, книжки с картинками и без, духи, наряды, косметику и, конечно, еду и самые разнообразные напитки — от теплого молока до пиратского рома. Примечательно было то, что некоторые предметы просто выпадали с другой стороны, а некоторые исчезали где-то внутри в непостижимой пустоте, у которой, кажется, была еще и непостижимая глубина. Один раз Неслезина в сердцах сунула в дыру распоясавшегося заморского жениха, который изводил ее неделями, ноя под окном, а когда она наконец его впустила, сразу полез целоваться. Целоваться Неслезине сначала понравилось, но быстро надоело, однако, принц все никак не мог уgomониться и Неслезина схватила его и быстро сунула в дырку. Она надеялась, что он просто выпадет с другой стороны и от этого охолонет, но вышло иначе — принц исчез. Испарился, будто и не было его на свете. Неслезина так испугалась, что пообещала себе больше живых существ в дыру не совать. Да и принца было нестерпимо жалко, — хоть и дурачок, а все же живая душа. Тут бы Неслезине расплакаться, да не смогла. Сидела, грустила целую неделю, почти все дела забросила, только вечерами выходила небо держать — уж эту-то обязанность оставлять было никак нельзя.

Последнюю попытку заполнить дыру Неслезина предприняла незадолго до наступления Новой Эры. Впереди были празднества и Неслезина бродила потерянная по коридорам замка и ничего, совсем-совсем ничего не чувствовала. Ну

вот вообще ни капельки. Уставившись пустым взглядом в окно она долго стояла и ни о чем не думала. Пока не увидела как садовник поливает увядшую розу и та прямо на глазах приподнимает головку, выравнивается, наливается соком и потихоньку начинает сиять.

Этот удивительный сорт когда-то привез с Предвечерних Островов и посадил в саду покойный Батюшка Неслезины, которого Неслезина очень любила. Батюшка тоже любил Неслезину, но очень не любил женских слез и когда маленькая Неслезина плакала, ударившись или расстроившись, всегда приговаривал: “Не плачь, деточка, не плачь, и я дам тебе калач, а если будешь плакать, уеду в далекую страну навсегда”. Несмотря на сомнительную рифму, а под конец и полное ее отсутствие, маленькую Неслезину присказка эта завораживала и она тут же переставала плакать, чему батюшка всегда очень радовался.

Неслезина же больше всего на свете хотела, чтобы Батюшка был рад и старалась пореже плакать. И когда Батюшка так и не вернулся из очередной Экспедиции по Разведыванию Неизведанных земель, а, стало быть, именно что уехал в далекую страну навсегда, Неслезина была уверена, что Батюшка пропал именно потому, что Неслезина все же иногда плакала. С тех пор уж минуло пятнадцать лет, Неслезина не проронила ни слезинки, а розы, привезенные Батюшкой, отлично прижились и тихо светили в саду замка.

Пока Неслезина наблюдала за тем, как свежеспелая роза

приподнимает головку и наливается сиянием, её озарила отличная мысль. Ночью принцесса вооружилась ведром и лопатой, пробралась в сад и выкопала маленькую сияющую розу прямо с комом земли на корнях. В спальне Неслезина с замиранием поместила розу в дыру — она боялась, что та исчезнет — как несчастный принц и вся еда, но роза осталась висеть посередине вместе с землей. Вид у розы был печальный — головка поникшая, стебель клонится к земле. Неслезина схватила лейку для домашних растений и полила розу. Та приподняла головку, выпрямилась и даже немножко засияла. Неслезина улыбнулась впервые за много месяцев и так и просидела всю ночь у зеркала, время от времени поливая розу.

С тех пор жизнь Неслезины немного улучшилась, роза в дырке прижилась и тихонько грела Неслезину. Правда, сияние было совсем слабое, не в пример цветам, растущим на воле в саду, но Неслезина была и тому рада. Ведь она уже успела забыть, что такое радость. Одна только беда — розу постоянно нужно было поливать, чуть отвлечешься и она уже клонит головку и темнеет. Неслезина ужасно боялась, что роза завянет, даже бросила все дела — у нее больше не было ни времени, ни сил, ни на утирание чужих слез, ни на подвиг, ни на решение чужих проблем, ни на беспокойстве о мире, ни на уборку замка или пробежку. Из всего списка Очень Важных Дел осталось только ежевечернее держание неба. И все равно, даже сидя все дни напролет в своей ком-

нате и только поливая розу, уставала Неслезина страшно — намного сильнее, чем в когда делала сотню дел в день. Разбитая, с темными кругами под глазами, со спутанными волосами и в мятом платье она еле-еле ковыляла к небу. Атлант, видя плачевное состояние Неслезины, буквально умолял ее перестать приходить. Он говорил, что в полном порядке и лет пять-десять, а то и все пятьдесят, вполне может подержать небо сам — за то время, что Неслезина подменяла его, он так отдохнул, что уже и не знал куда силы потратить. Но Неслезина не слушала, упрямо отодвигала его своей маленькой ручкой, охала, когда небо опускалось ей на плечи, но не сдавалась. Один раз Атлант даже упал на колени и заплакал — так ему было жалко осунувшуюся бледную Неслезину. Он заламывал руки, обливался слезами и просил Неслезину уйти. Было странно видеть как этот огромный сильный полубог рыдает как младенец. Слезы обильно орошали его густую бороду, солнце подсвечивало капли и из них тут же вырастали маргаритки. К концу прочувствованной речи Атланта его борода превратилась в цветущий луг — маргаритки усеяли ее так плотно, что ни одного волоска не было видно. Только каменное сердце не среагировало бы на это удивительное и трогательное зрелище. Но Неслезину было не пронять. К тому же она была Принцессой и Верховной Властительницей и последнее слово по любому вопросу оставалось за ней, даже Атлант ничего не мог сделать. Атлант вздыхал и уходил во-свояси. Пару раз он просто садился неподалеку, готовый под-

менить Неслезину, если она передумает, но Неслезина прогоняла его, последнее время ей было невыносимо, когда кто-то на нее смотрит, к тому же роза не любила чужих взглядов и вяла всё быстрее. Может быть, конечно, дело было вовсе не в чужих взглядах, но об этом Неслезина и думать не хотела. Больше всего на свете она теперь боялась остаться одна — без розы и с пустотой. От Неслезины вообще мало что осталось — только темные круги под глазами и страх, что роза увянет. И Неслезине было чего бояться — роза еле держалась, поливать ее теперь нужно было каждый час. Неслезина перестала выходить из комнаты, спать толком тоже не ложилась — на ночь усаживалась в кресло, полностью одетая, чтобы не расслабляться. Завела в спальне часы с кукушкой, громко и противно голосившей каждый час. Неслезина пробуждалась от дремоты, поливала розу и снова проваливалась в мутный прерывистый сон.

Но однажды Неслезина проснулась не от кукования, а от звука резко распахнувшегося окна. Вместе со звуком в спальню ворвался поток холодного воздуха и обдал безмятежно спящую в кресле Неслезину. Когда ветер коснулся ее лица, Неслезина открыла глаза и заморгала. За окном светало и внутри принцессы все сжалось от ужаса — близился рассвет, а Неслезина ни разу за ночь не проснулась. Кукушка безжизненно свисала из открытых створок часов. Неслезина кинулась к зеркалу, роза в пустоте висела так же безжизненно, как и кукушка. Неслезина бросилась к лейке и стала по-

ливать розу. Вода выплескивалась из дыры в груди Неслезины и проливалась на пол, но роза не оживала. Неслезина лила и лила воду, на полу образовалась лужа, которая проливалась через щели в полу прямо на голову Ц., который спал в комнате этажом ниже. Но у Ц. был очень крепкий здоровый сон, он только поморщился, перевернулся на другой бок и продолжил смотреть сон. Снилось ему, кстати, что он на палубе прекрасного фрегата, идущего на большой скорости под свежим ветром по лазоревой ряби волн, и капли воды прекрасно вписались в этот сон — он принял их за ключья морской пены.

Неслезина поливала и поливала свою розу, но та была совсем чёрная. Кончилось тем, что роза выпала из груди и лежала в луже воды, растекающейся по полу, безжизненным жалким трупиком. Неслезина сидела рядом и терла совершенно сухие глаза. День занялся и пошел своим чередом. В комнату Неслезины стучали, но она не реагировала. В середине дня встревоженные слуги взломали дверь и обнаружили Неслезину в той же позе — сидя на полу рядом с подсыхающей лужей, в которой плавал почерневший остов розы. Неслезина никому не отвечала и лишь слабо помахала рукой приказывая слугам оставить ее в покое и уйти. День близился к вечеру. Неслезина посмотрела на часы с кукушкой, кукушка все так же свисала из створок, но сами часы работали — стрелка приближалась ко времени держать небо. Впервые за много лет Неслезина и не подумала встать, она без-

участно наблюдала за стрелкой, и когда та встала ровно просто отвернулась и легла, прикрыв своим телом останки розы. Неслезина даже немного хотела, чтобы небо таки рухнуло на землю, ибо как и зачем жить дальше она уже не понимала. Но, конечно, небо не рухнуло.

Ведь Атлант держал его, удивляясь тому, что Неслезина не пришла как обычно. Зато к Атланту пришли все друзья Неслезины и стали советовать, как помочь Неслезине. Они уже знали, что она лежит в комнате на полу и ничего не хочет. Атлант так увлекся беседой, что совсем забыл про небо, снял его с плеч и аккуратно примостил край на соседнюю гору. Небо, что примечательно, отлично держалось на горе и никаких попыток упасть на землю не предпринимало, ученые Конфетного королевства оказались правы. Ц. спросил неужели всегда так было можно, Атлант пожал плечами и ответил, что вообще-то да. Небо не падает на землю ни при каких обстоятельствах — куда прислонишь, там и лежит, просто ему, Атланту, нравится его держать, это бодрит и придает жизни смысл. Ц. удивился и спросил, зачем же тогда принцесса подменяла его каждый вечер. Атлант сказал, что не имеет понятия, он тысячу раз пытался ее убедить, что этого делать совсем не нужно, но она и слушать не хотела и даже иногда злилась и запрещала говорить об этом, используя Верховную власть. А что Атлант может против Верховной власти? Ничего, ясное дело.

Друзья Неслезины во главе с Атлантом решили, что луч-

шим решением будет всем вместе отправились к ней, чтобы уговорить её встать, поесть, выйти на лужайку и всем вместе поиграть в волейбол, ведь на дворе такой прекрасный вечер.

Когда они вошли в комнату, Неслезина лежала в той же позе, только лужа на полу высохла и останки розы рассыпались в прах. Атлант присел на корточки и осторожно погладил принцессу по плечу, остальные столпились у входа.

— Вставай, дорогая, — сказал Атлант.

Неслезина не отреагировала, только едва заметно дернула плечом, на котором покоилась рука Атланта.

— Вставай, милая, — не сдавался Атлант. — Мы все здесь.

Неслезина открыла сухие глаза и посмотрела на Атланта.

— Это ты... — слабым голосом сказала принцесса — А как же небо?

— Секрет в том, что если мы не хотим, чтобы небо упало, оно не упадёт. А еще оно отлично держится на вершине горы, к которой я его прислонил.

Атлант легонько погладил Неслезину по голове.

— Так что же, — голос Неслезины дрогнул, — все было зря?..

— Конечно, нет, — сказал Атлант, — ничего не бывает зря. Можно ли было бы сделать по-другому? Наверное. Всегда существует миллион вариантов. Могла ли ты поступить иначе? Не думаю. И ты не думай об этом. Вставай и пойдем.

— Нет. — Неслезина помотала головой для верности —

не пойду. Некуда и незачем. Я всё профукала. Я бросила Очень Важные дела. Я не удержала небо. И... Вот... Она показала рукой на дыру в груди.

Атлант положил свою огромную ладонь ей на грудь и заплакал.

— Почему ты плачешь? — дрожащим голосом спросила Неслезина.

— Тебе больно, вот и плачу. Попробуй и ты.

— Не могу. — Неслезина печально вздохнула.

И тогда вперед вышел Ц. и сказал:

— Милая, я люблю тебя. Пожалуйста, вернись ко мне.

Ц. всхлипнул и заплакал. И тогда вперед вышла А. и сказала:

— Ты очень дорога мне, не могу смотреть как ты страдаешь.

А. зарыдала в голос. И тогда вперед вышла Б. и сказала:

— Ты ценна для нас и безо всяких дел.

По щекам Б. обильно потекли слезы.

— Ты нужна нам!

— Пойдем с нами!

— Мы любим тебя!

— Бросим все и поедem к морю!

— Ты лучше всех!

Друзья обступили Неслезину плотным кругом и наперебой выкрикивали приятные и нежные слова. Почти все плакали и гладили Неслезину по плечам, по голове, по спине.

Они так увлеклись, что не сразу расслышали робкие всхлипывания. Тогда все разом замолчали и посмотрели на Неслезину. Она по-прежнему сидела на полу, но теперь глаза её налились слезами впервые за много лет. Атлант взял её за плечи, заглянул в глаза и сказал

— Я тебя вижу. Я тебя слышу. Я чувствую твою боль. Я люблю тебя. Отпусти себя.

И тут Неслезину прорвало. Будто шлюзы открылись. Будто краны сорвало. Слезы хлынули по её щекам. Неслезина уронила голову на грудь Атланта и зарыдала так, как плачут только совсем маленькие дети — без оглядки, не сдерживаясь, полностью отдавшись эмоциям. Она ревела и за окном хлынул дождь, через некоторое время он прекратился и небо расцветилось сотней радуг. Некоторые спустились на землю и прыгали по саду веселыми пружинками, кувыркались, переливались и искрились в каплях вновь пошедшего дождя. Расцвели и засияли пуще прежнего розы с Предвечерних островов. Из груди Неслезины хлынули нескончаемым потоком детские игрушки, киноленты, книжки с картинками и без, духи, наряды, пироги и булки. Под конец выскочил заморский принц, пристававший с поцелуями. Обвел комнату безумным взглядом и убежал, высоко задирая колени. Неслезина плакала и плакала. О стране, о замке, о небе, о детстве, о розе, о Батюшке и наконец о себе. В пустоте ее груди появился маленький светящийся шарик. Сначала Неслезина испугалась, что вернулся раскаленный шар и

снова будет жечь её, но шарик был совсем другим, от него по всему телу разливалось приятное тепло. В комнате запахло свежими булками, скошенным лугом и обработанным деревом. Шарик завращался, раскрутился до небывалой скорости и вдруг раскрылся. Вращение замедлилось и все разглядели крошечную розу, она стремительно росла и расцветала, роза ярко сияла, по комнате разливался умопомрачительный аромат. Неслезина сидела в огромной луже своих слез и улыбалась. Рядом барахтался мышонок, Неслезина выловила его и бережно передала Атланту, тот посадил крошку себе на плечо. Друзья все так же стояли тесным кругом. Неслезина медленно поднялась и улыбнулась. Роза в ее груди сияла, она была пышная, огромная и прекрасная. Неслезина протянула руки к друзьям и они бросились ей на встречу, обняли со всех сторон. Неслезина засмеялась. А когда крепкие объятия разжались никакой пустоты в её груди больше не было. А роза была. Только теперь ее не было видно, ведь дыра совсем затянулась. И пустота больше не возвращалась — как и раскаленный шар.

А Неслезина пересмотрела свое расписание: внесла в него время с друзьями, время для отдыха и созерцания и даже час ежедневного безделья. А еще она плакала, когда было больно, отменяла дела, когда уставала и даже могла пожаловаться друзьям, когда грустила.

Кстати сказать, её Королевство от этого не разрушилось. Даже наоборот, выиграло Случаилиаду, собрало рекордный

урожай, подданные жили мирно и счастливо, а соседи просили научить их безмятежности. И это несмотря на то, что Неслезина перестала ежегодно сажать куриц. Вместо этого она каждый год отправлялась к морю с друзьями, где бывала очень счастлива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.